

Монгол нутаг дахь туух соёлын дурсгал (Историко-культурные памятники Монголии). – Улаанбаатар: Gamma, 1999. – 286 с.

Granö J.G. Von meiner Reise in Südsibirien und der Northwest-Mongolei im Jahre 1909 // Journal de la Societe Finno-ougrienne. – 1910. – N 28. – P. 1 – 59.

Kubarev G.V. Der Panzer eines alttürkischen Ritters aus Balyk-Sook // Eurasia Antiqua. – Berlin: Verlag Philipp von

Zabern – Mainz am Rhein, 1997. – Bd 3. – S. 665 – 687.

Kubarev V.D., Zevendorz D. Steinstelen aus der Westmongolei // Eurasia antiqua. – Berlin: Verlag Philipp von Zabern – Mainz am Rhein, 1997. – Bd 2. – S. 571 – 580.

Novgorodova E. Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig: Verlag E.A. Seeman, 1980. – 280 S.

Материал поступил в редколлегию 13.12.2000 г.

УДК 903.1.25:73/75

Ю.Н. Есин

*Кузбасский государственный технический университет
ул. Весенняя, 28, Кемерово, 650026, Россия
E-mail: esin@minus.krs.ru*

О СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ ОКУНЕВСКОГО ИСКУССТВА В ВИДЕ КРУГА ИЛИ КВАДРАТА С ЛУЧАМИ

Введение

Среди памятников искусства эпохи бронзы Южной Сибири широко известны изображения, связанные с окуневской археологической культурой II тыс. до н.э. Отдельную группу представляют окуневские изображения в виде круга или квадрата с лучами (рис. 1). Долгое время считалось, что эти рисунки символизируют солнце, поэтому за ними закрепилось название “солярные знаки”. Но верна ли подобная интерпретация? Рассмотрим наиболее аргументированные объяснения семантики изображений данной группы.

Э.Б. Вадецкая, обосновав принадлежность этих знаков к окуневскому искусству, подразделила их на два основных вида: круглые и квадратные. Различия в размерах и форме между рисунками на одном памятнике она объяснила неодновременностью их создания; причем с моментом сооружения памятников, на ее взгляд, устойчиво связан лишь знак, размещенный под антропоморфным ликом. Для выяснения семантики Э.Б. Вадецкая привлекает широкий круг аналогов из искусства древних и традиционных культур народов Сибири и делает предположение, что изображения данной группы связаны с солнечной символикой [1980, с. 65 – 67].

Н.В. Леонтьев отметил отсутствие рисунков в виде круга или квадрата с лучами на типологически ранних памятниках окуневского искусства. В структуре “солярного знака” он предложил выделять: 1) оболочку в виде круга с уголками; 2) кружок в центре, который иногда заменялся “солярным знаком” меньшего размера или личиной. Возможность замены кружка личиной Н.В. Леонтьев объясняет тем, что кружок является ее символом. Для обоснования того, что этот знак является символом солн-

ца, исследователь привел этнографические и археологические параллели [1978, с. 115 – 117].

Один из вариантов знака (рис. 2) анализировал А.П. Окладников. В структуре этого изображения он выделил круг и крест. Круг А.П. Окладников считал возможным трактовать как символ солнца, неба, вселенной, а крест – четырех сторон света. Но в целом окуневский знак он считал изображением солнца. Вертикальную композицию из трех знаков на изучавшемся им окуневском изваянии А.П. Окладников сопоставлял с трехчастной структурой всего памятника и связал с представлениями о трех мирах [1975, с. 62].

Интерпретация Л.Р. Кызласова построена на доводе, что “солнце в виде круга с четырьмя треугольными лучами изображали еще в древнем Вавилоне, а также в Месопотамии и Сирии, в Хеттском царстве, а позднее – у скифов”. Те же параллели отмечены исследователем и в искусстве народов Сибири. Разные варианты расположения знаков в изображительной композиции изваяний он трактует как передачу представлений о суточном движении солнца по небу и подземному миру [Кызласов Л.Р., 1986, с. 209 – 210].

Известны и другие объяснения данной группы окуневских изображений: как более широкого астрально-го символа (планеты, звезды) (по большому числу и разнообразию таких знаков на некоторых изваяниях) [Хлобыстина, 1971а, с. 173; Худяков, 1996, с. 28], как радиальной схемы мира (четыре луча могут ассоциироваться с направлениями по сторонам света) [Подольский, 1987, с. 128], как булавы (на основе сравнения с реальным изделием, найденным на Кавказе) [Кубарев, 1987, с. 158], как “знака чакры” индо-тибетской эзотерической традиции [Мачинский, 1997, с. 273].

Несмотря на различия, указанные интерпретации методически довольно близки, т.к. основаны на подобных изображениях, принадлежащих другим культурам. Вместе с тем использование внешне схожих рисунков одной культурной традиции для объяснения изображений другой, как и при дешифровке забытых систем письма, оправдано, если установлено их генетическое родство. Иначе возможна подмена оригинального сообщения, заключенного в изучаемом тексте [Фридрих, 1961, с. 156 – 157]. Поэтому ни одну из перечисленных гипотез нельзя считать доказанной. Для получения более объективных результатов необходимо прежде всего максимально использовать информативные возможности самого изображения, аналогии более уместны на завершающем этапе исследования. Такой подход к окуневским “солярным знакам” стал применяться сравнительно недавно [Есин, 2000а, с. 112 – 120; Леонтьев, 2000б, с. 33].

Описание и классификация материала

При сравнительном анализе окуневские рисунки в виде круга или квадрата с лучами предстают как сложные изображения, состоящие из нескольких элементов – простых знаков, имеющих самостоятельное значение в окуневской изобразительной системе. Такими элементами являются внешнее кольцо, центральная окружность и лучи. Классический рисунок образован из круга и четырех лучей-уголков, ориентированных на общий центр, который отмечен маленьким кружком (см. рис. 1, 1). Отдельные элементы сложного знака и их количество могут быть разными.

Одно из самых существенных различий между рисунками рассматриваемой группы проявляется в форме, поскольку в основе знака кроме круга использовался квадрат (см. рис. 1, 11 – 15). При этом квадрат мог быть образован из четырех дуг, вогнутых к центру, и не иметь специальных элементов-лучей (см. рис. 1, 14, 15). Обычно контур круга и квадрата изображался одной

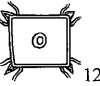
№	ТИП	ВАРИАНТЫ
I		
II		
III		
IV		
V		
VI		

Рис. 1. Классификация окуневских космических знаков.

1 – 3, 11, 14, 21 – по: [Вадецкая, 1980, табл. XLII, 67, LI, III, XLVIII, 99, LII, 115, XLVII, 91, XXXIV, 25]; 6 – 8, 10, 13 – по: [Леонтьев, 1978, рис. 4, 6; 2000б, рис. 1, 2]; 9, 18 – по: [Кызласов, 1986, рис. 158, 86]; 12, 15 – по: [Лазаретов, 1997, табл. XIV, 3, XXX, 1]; 16, 17 – по: [Савинов, 1997, табл. II]; 19, 20 – по: [Липский, 1952, рис. 27, 4, 5].

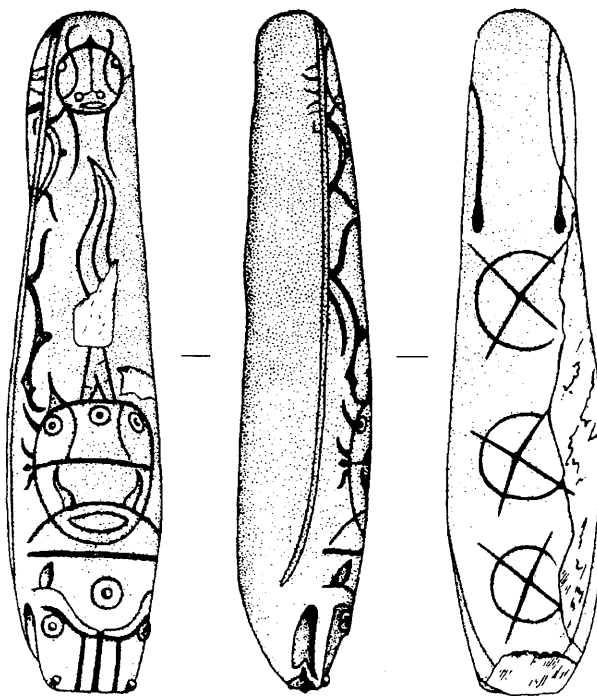

Рис. 2. Миниатюрное изваяние в виде змея (по: [Кызласов Л.Р., 1986, рис. 138]).

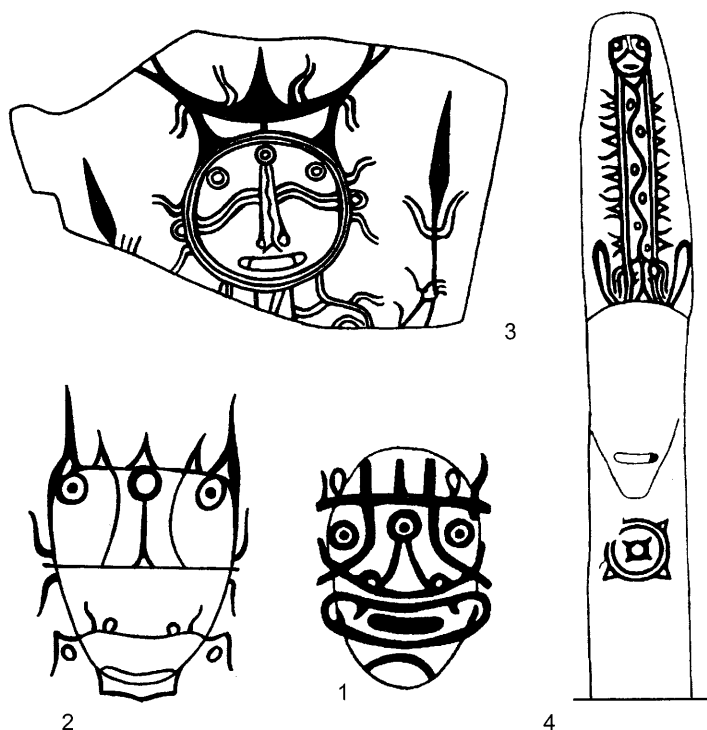

Рис. 3. Знаки космического столпа с символом неба на вершине.
1 – изображение на камне яйцевидной формы с р. Уйбат (по: [Вадецкая, 1980, табл. LIII, 122]); 2 – изображение на изваянии у с. Маяки (по: [Там же, табл. LV, 147]); 3 – плита из могильника Черновая VIII (по: [Там же, табл. LII, 114]); 4 – изваяние с р. Аскиз (по: [Леонтьев, 2000б, рис. 1, 5]).

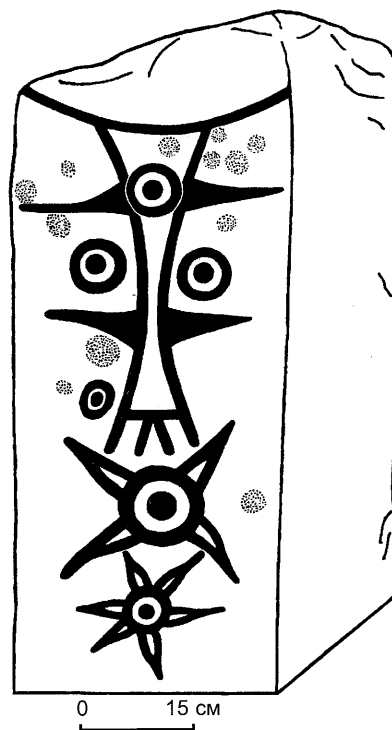

Рис. 4. Изваяние из Утух-Хая-Кисте (найдено Ю.С. Худяковым, хранится в музее ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск).

линией, но иногда двумя и даже тремя линиями (см. рис. 1, 10, 12, 15, 20; 3, 4).

Лучи “солярных знаков” могут быть разными по форме. Типичны лучи в виде уголков, которые воспринимаются как треугольники с основанием из контура знака (см. рис. 1, 1). Очень распространены лучи-треугольники, отличающиеся от уголков тем, что выбиты силуэтно (см. рис. 1, 8, 21). С этой разновидностью схожи лучи в виде прямых линий (см. рис. 1, 6, 23). Вершины лучей-уголков могут раздваиваться или заканчиваться тремя линиями, по краям лучей иногда показаны рога быка (см. рис. 1, 2). Уголки изображали двойной линией с двумя парами рогов (см. рис. 1, 12). Отмечены лучи в виде уголка, вершина которого, напоминая язык змеи, продолжается прямой линией (см. рис. 1, 5, 19).

Встречаются изображения, на которых лучи, отходящие от его середины, показаны прямой (см. рис. 1, б) или извилистой линией (см. рис. 1, 8). Кроме того, лучи-линии, подобно отмеченным выше лучам-уголкам, могут быть двойными (см. рис. 1, 10). Лучи-линии внутри иногда сочетались с четырьмя обычными уголками с внешней стороны, как у классического варианта (см. рис. 1, 7 – 8, 17).

“Солярные знаки” различаются не только по форме лучей, но и по их количеству. Обычно показывали

четыре луча. Однако у некоторых изображений с внешней стороны встречается шесть, восемь или девять элементов. Для таких вариантов характерны лучи в виде языка змеи (см. рис. 1, 19, 20; 4), но возможны уголки или прямые линии (см. рис. 1, 23). Внутри знаков могло быть шесть, восемь и десять лучей-линий (см. рис. 1, 16 – 18).

Центр знаков отмечался кругом, выбитым по контуру или силуэтно (см. рис. 1, 7, 8), “солярным знаком” меньшего размера (см. рис. 1, 3, 13), квадратом (см. рис. 1, 4, 15). Есть также знаки, у которых это место никак не выделено. В нескольких случаях центр знака изображен двойным кольцом (см. рис. 1, 12, 20). Вокруг центра может находиться несколько разных по диаметру окружностей (см. рис. 1, 19; 5).

Известны знаки с антропоморфными чертами: глазами, ртом, носом. При этом глаза и рот могут быть выбиты как внутри знака, так и снаружи. Кроме того, такие знаки иногда дополнены изображениями рогов и ушей быка – характерными атрибутами многих окуневских антропоморфных ликов (см. рис. 1, 21; 4; [Вадецкая, 1980, табл. XLVIII, 96]).

Наиболее существенные различия между изображениями отдельных элементов исследуемых окуневских знаков определяются формой знака (круг – квад-

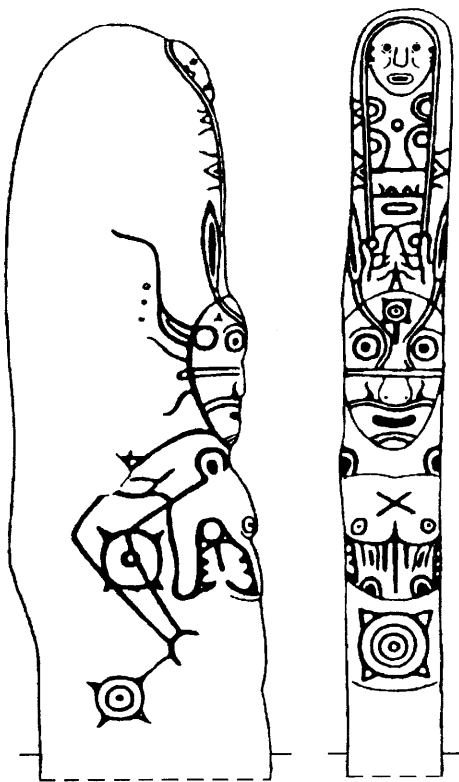

Рис. 5. Изваяние из района оз. Шира
(по: [Леонтьев, 2000б, рис. 1, 4]).

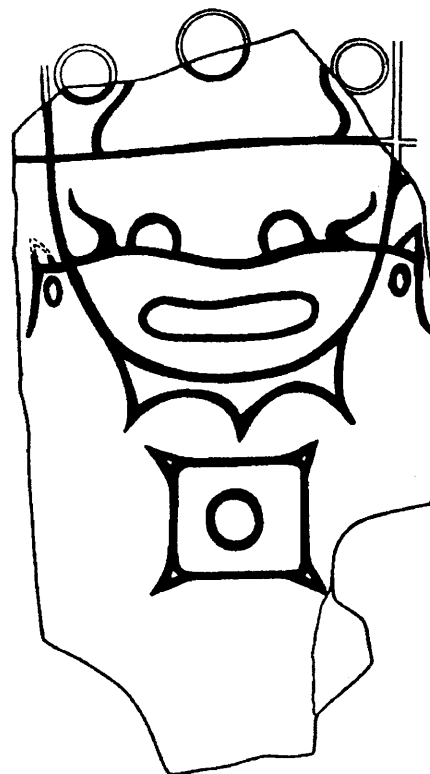

Рис. 6. Плита из могильника Черновая VIII
(по: [Вадецкая, 1980, табл. ЛП, 115]).

рат), количеством и расположением лучей (четыре – более четырех лучей, снаружи – внутри), наличием или отсутствием элементов антропоморфного лика. Исходя из этого, возможно выделить шесть основных типов известных нам знаков (см. рис. 1).

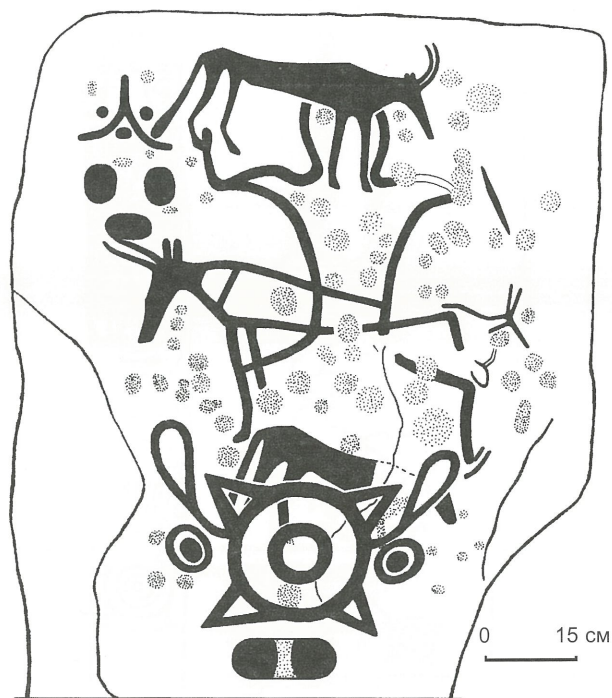
Основная часть “солярных знаков” зафиксирована на использовавшихся в ритуальных целях каменных плитах и изваяниях (отличаются от плит столбообразной формой). Почти все изображения нанесены выбивкой, хотя сохранились рисунки, выполненные красной охрой [Там же, с. 65; Ковалев, 1997, с. 87]. Эти знаки являются, как правило, частью более сложных изобразительных текстов, в которых занимают вполне устойчивые позиции. Самое типичное их место – под антропоморфным ликом. Здесь запечатлены “солярные знаки” всех типов, что подтверждает их семантическое единство. Под антропоморфными ликами, выбитыми на плитах, показано по одному знаку (рис. 6). Данной позиции соответствует также расположение “солярного знака” под полной антропоморфной фигурой на плите с Большого Табатского кургана (рис. 7), хотя рисунки на ней неодновременны. Первым и главным изображением на этом камне был антропоморфный образ: судя по характерной позе [Ковалев, 1997, табл. VII, 3], женский. Поверх

него ярусами выбито три крупные фигуры животных, которые, очевидно, фиксировали совершенное жертвоприношение. Затем в нижней части плиты был изображен “солярный знак”. Повторное использование окуневских плит с рисунками для выбивки новых фигур очень типично и свидетельствует о том, что изображения создавались для конкретного ритуала и служили короткое время.

Для изваяний характерен один знак под ликом, расположенным в середине камня (см. рис. 3, 4; 5). Однако в ряде случаев в нижнем ярусе лицевой стороны изваяний показаны не один, а два (см. рис. 4; [Савинов, 1997, табл. II]) и даже три [Вадецкая, 1980, табл. XXXVIII, 47] знака. Такие комбинации не встречены на плитах; между некоторыми из этих знаков существуют различия в размерах и форме. Поэтому можно предположить, что дополнительные знаки могли быть выбиты позднее момента сооружения изваяния и связаны с его последующим ритуальным использованием. Другое место расположения “солярных знаков” на изваяниях – боковые поверхности. Часто здесь имеется сразу несколько таких рисунков, расположенных ярусами. Устойчивой на боковых гранях является композиция из трех знаков, которые порой совершенно идентичны друг другу, выбиты одновремен-

1

2

Рис. 7. Плита с Большого Табатского кургана
(найдена М.Н. Пшеничиной, хранится в музее ИАЭт СО РАН, г. Новосибирск).
1 – фото, 2 – прорисовка.

но и связаны с моментом сооружения памятника [Там же, табл. XXXV, 33, XLII, 67 и др.]. Композиция из трех знаков может находиться и на задней поверхности изваяния (см. рис. 2). Однако наиболее типичен для задней, как и для лицевой, грани знак в нижнем ярусе камня. Еще одна позиция из знаков первого и третьего типов (см. рис. 1, 1, 13) отмечена на вершине изваяния [Там же, табл. XLVIII, 95; XLIII, 71].

Отметим зафиксированную на изваяниях композиционную связь “солярного знака” с образом змея. Например, один [Леонтьев, 1997, рис. 10] или даже два змея (см. рис. 2) изображали над знаком на задней грани изваяний. На лицевой поверхности изваяний над “солярным знаком” – пасть змея. Подобная композиция имеется в нижнем ярусе лицевой плоскости изваяния с оз. Белё (Хакасия) [Вадецкая, 1980, табл. LIV, 140]. Здесь, сразу под головой змея изображен нижний край “солярного знака”: двойной линией показана половина круга, имеется два луча-уголка с рожками по бокам, вершины лучей увенчаны тремя линиями. Верхняя часть данного знака скрыта внутри пасти, т.е. змей либо пытается его проглотить, либо порождает. На изваянии из района оз. Шира (Хакасия) еще два

знака изображены на боковой плоскости рядом с профилем головы и возле передней лапы фантастического хищника (см. рис. 5). Наличие отдельного знака возле пасти на боковой плоскости связано с тем, что профильные изображения этого зооморфного божества могут восприниматься как два самостоятельных образа [Там же, табл. LI, III]. Связь “солярного знака” с изображением руки, которая заканчивается небольшой дугой, обусловлена тем, что дуга в этой позиции, вероятно, символизирует открытую пасть змея, т.к. на других рисунках на конце такой руки – реалистичная голова змея [Есин, 2001, рис. 1]. Знак с одной или двумя дугами часто замещает над “солярным знаком” полное изображение пасти змея (см. рис. 6).

На одном из изваяний, хранящемся в Абаканском музее, и на плите из могильника Бырканов “солярный знак” выбит в середине рисунка лица [Вадецкая, 1980, табл. LV, 145; Студзицкая, 1997, табл. II, 5]. Единичен вариант изображения “солярного знака” на месте третьего глаза антропоморфного лица, представленный на изваянии из пос. Шира (см. рис. 5). К этой позиции близок знак, выбитый непосредственно над ликом поверх основного изображения на изваянии из с. Верхний Аскиз [Есин, 2000б, рис. 3].

Известен “солярный знак”, вырезанный на прямоугольной каменной пластине, служившей деталью костюма (см. рис. 1, 12). Пластина могла использоваться как пряжка пояса [Лазаретов, 1997, с. 30]. В этом случае знак находился у человека в области живота, что сопоставимо с позицией “солярных знаков” в нижнем ярусе изваяний и плит (см. рис. 5).

“Солярные знаки” встречаются на внешней стороне днищ окуневских сосудов (см. рис. 1, 15). У ритуального сосуда биконической формы (“курильница”) из погребения на р. Аскиз, один “солярный знак” прочерчен на внешней, а другой – на внутренней поверхности дна (см. рис. 1, 19, 20). Изображение многолучевого знака, аналогичного солярным знакам, относимым к типу V, можно также обнаружить при круговом развороте на плоскости декора боковых стенок некоторых окуневских сосудов. Один из примеров такой композиции – орнамент сосуда из могильника Уйбат V: его тулово двумя горизонтальными линиями разделено на три яруса, в каждом из которых по кругу изображены уголки, аналогичные лучам “солярных знаков” [Там же, табл. XXII, 4]. Структура декора данного сосуда сопоставима с композицией из трех “солярных знаков” на изваяниях.

Нельзя не упомянуть, что иногда на изваяниях на месте “солярного знака” изображены окружности без лучей. Такая замена может быть связана с происхождением знака от рисунка круга (кружки без лучей, расположенные под антропоморфным ликом, встречаются на плитах раннего окуневского могильника Тас-Хазаа [Хлобыстина, 1979, рис. 12, 5, 11]). Изображения круга без лучей и с точкой в центре имеются также под антропоморфными ликами окуневского времени из Тувы [Дэвлет, 1998, рис. 3, 10, 14; 6, 13].

Семантический анализ

Для понимания семантики сложных знаков в виде круга или квадрата с лучами важно выяснить значение образующих их элементов – простых знаков. Сделать это можно через изучение простых знаков в контексте окуневской изобразительной системы.

Важнейший элемент исследуемых знаков – круг с отмеченной серединой – аналогичен изображениям “глаз” окуневских ликов (см. рис. 4). Чтобы раскрыть значение этого символа, рассмотрим семантику лика, располагавшегося в центральной части классических окуневских изваяний. Этот лик, который выбивали в средней части камня первым, имеет форму яйцевидного овала, разделенного поперечными линиями на три яруса: в верхнем находятся кружки глаз, в среднем – ноздри, в нижнем – рот (см. рис. 2). Такая структура лика моделирует универсальное для различных культур представление о трех ярусах мира. С точки зрения окуневского антропоморфного кода глаза свя-

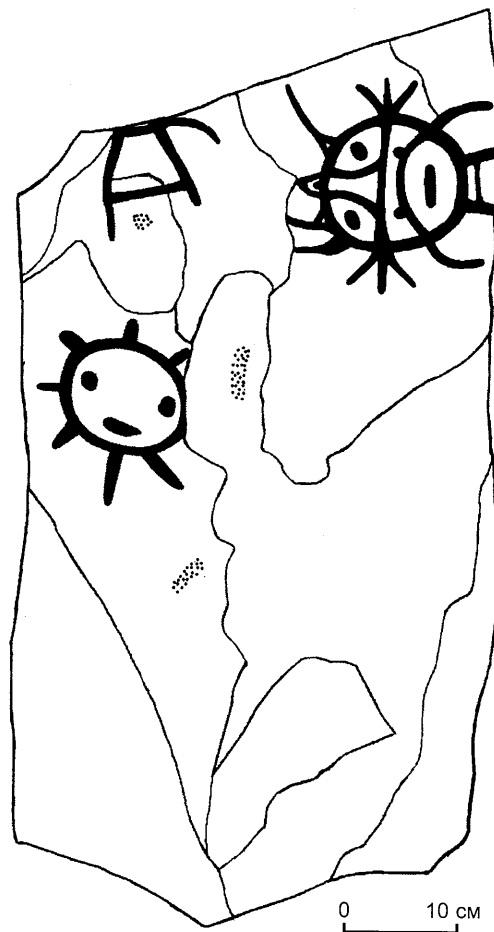

Рис. 8. Плита с окуневского могильника у с. Лебяжье (найдена В.Л. Вавиленко, хранится в с. Краснотуранск).

заны со светом и небом, ноздри – с дыханием и воздушным пространством, рот символизирует смерть и рождение и соотносится с Нижним миром [Подольский, 1985, с. 112 – 113; Кызласов И.Л., 1987, с. 128 – 130; Есин, 2001, с. 229]. Заложенным в центральную личину композиционным принципам и символам соответствует структура изваяния. В частности, композиции ее верхней зоны идентична структура ликов верхней части каменного столба; характерной особенностью обеих являются две вертикальные дуги (см. рис. 2; 3, 4). Знаку рта в нижней части лика с функциональной точки зрения равнозначна пасть змея в нижнем ярусе изваяния (см. рис. 2, 5). Яйцевидную форму центральной личины иногда объясняют, исходя из мифа о Мировом яйце, с которым во многих мифологических системах связано возникновение мира: из верхней его части возникает небо (верхний ярус изваяния), из нижней – земля (нижний ярус изваяния). Поскольку эта схема призвана описывать развитие космоса во времени, то на изваянии зафиксирован определенный временной цикл. В целом же

изваяние предстает как ритуальный эквивалент космического столпа, разделяющего небо и землю, Мировой горы [Есин, 1999а, с. 144 – 148]. В этом изобразительном тексте кружки в верхней зоне лика мы считаем символами не отдельных светил – солнца или луны [Подольский, 1985, с. 113; Кызласов И.Л., 1987, с. 128 – 129; Леонтьев, 1997, с. 229], а всего неба. Кружки передают Верхний мир в плане – как линию горизонта или границу небесного свода.

Чтобы подтвердить правомерность предложенного объяснения кружка и выяснить значение элементов, используемых в структуре “солярного знака” в качестве лучей, рассмотрим еще одну группу окуневских знаков. Это сложные знаки, у которых кружок изображен на вершине вертикального элемента в виде уголка, змеиноязычного, прямой линии. Знаки располагаются в верхней части изваяния либо в соответствующей ей верхней части антропоморфных образов (см. рис. 3). В наиболее полном варианте такой знак показан в верхней части одного из изваяний, где вертикальный элемент является телом змея, обращенного головой вниз (см. рис. 3, 4). По структуре верхняя половина изваяния подобна всему изваянию, которое в нижнем ярусе подчас предстает в виде змея с пастью (см. рис. 2; [Кызласов Л.Р., 1986, рис. 138]). Данный факт свидетельствует о возможности отождествления образа змея с космическим столпом и раскрывает содержание уголка и знака в виде языка змея, которые могут являться символом и змея, и столпа, горы. Это находит аналогию в мифах Ригведы, в которых змей отождествляется с первоначальной горой [Кейпер, 1986, с. 30]. Иногда подобный столп поделен на три яруса, что отвечает трехчастности изваяний (см. рис. 4; [Кызласов Л.Р., 1986, рис. 65]). Раздвоенной вершине некоторых лучей-уголков “солярных знаков” аналогична развилка на вершине треугольного “головного убора” у антропоморфных фигур и других изображений столпа, ей соответствует редкий вариант изображения пасти змея на вершине изваяния [Леонтьев, 1978, рис. 2, 1; 2000б, рис. 1, 6, 8].

Внутри кружка на вершине одного из вариантов знака столпа изображен антропоморфный лик, структура которого аналогична всей верхней зоне центрального лика, символизирующей небо (см. рис. 3, 4). Следовательно, и обычный кружок других вариантов знака этого типа, выступающий “третьим глазом” (см. рис. 3, 1 – 3), соответствует всей верхней зоне лика, а значит, символизирует не солнце или луну, а именно небо, которое поддерживается столпом. Поскольку “третий глаз” равнозначен всей верхней зоне центрального лика, он связан с “третьим”, высшим небом, где преодолеваются различия двух других, символизируемых двумя другими кружками глаз, которые могут соотноситься с западом и востоком, утренним и вечерним небом и т.п. Помимо кружка, пе-

редававшего верхний мир в плане, на вершине столпа изображался знак в виде дуги (см. рис. 4), который воплощал представление о нижней границе неба и, возможно, восходил к образу неба в виде нависающей дождевой тучи [Есин, 1999б, с. 143 – 144].

Таким образом, исходя из семантики, установленной для отдельных элементов, “солярный знак” получает объяснение как горизонтальная модель мира: в основе классического знака находится символ неба, моделирующий через круг горизонта границы космоса, а четыре луча, обозначающие четыре мировые горы либо четыре змея, соотносятся со сторонами света. Данное изображение правильнее будет называть не солярным, а космическим знаком.

Используемый как основа знаков третьего типа квадрат, видимо, передает мир через символ земли. Именно квадратную форму имеет антропоморфный лик, расположенный в нижней части одного из изваяний, которая соотносится с землей [Вадецкая, 1980, табл. XLVIII, 98]. Большая часть квадратных знаков тоже находится именно в нижнем ярусе памятников. Квадратную форму, моделирующую границы земного мира, имеют также ограды окуневских курганов. Символом земли может быть и косой крест, поскольку он тоже связан с нижним ярусом мира (см. рис. 5; [Савинов, 1997, табл. I]). Иногда квадратный знак образован из четырех дуг (см. рис. 1, 14, 15). Наиболее вероятное значение дуг в этом контексте связано с небом и водой, поэтому в структуре космического знака они могут передавать четыре стороны света или обозначать окружающий землю океан.

По бокам лучей-уголков некоторых космических знаков изображены рога. Ранее их присутствие объяснялось семантической близостью образов солнца и быка [Хлобыстина, 1971б, с. 75 – 76]. Однако уголок с рогами по бокам в окуневском искусстве обычно связан с изображением змея: показан по бокам его тела (см. рис. 3, 4). Кроме того, бычьими рогами наделен сам змей (см. рис. 2; 3, 4). Следовательно, уголок с рогами в структуре космического знака – это символ змея-горы. Змеиную символику, видимо, имеют также извилистые линии, отходящие от центра одного из знаков, хотя, возможно, их нужно трактовать как четыре реки (см. рис. 1, 8).

Важной частью космического знака является его центр. В различных мифологических системах центр мира наделялся максимальной сакральной силой, являлся источником порядка, местом творения [Рабинович, 1994, с. 428]. Вероятно, такие же представления были и у окуневцев: об этом можно судить по структуре оставленных ими изваяний, в середине которых помещался образ Мирового яйца. Ориентация лучей космического знака в противоположные от центра стороны свидетельствует о том, что это изображение строится по законам обратной перспективы,

как бы из середины самого знака. При этом центр изображения мог отмечаться космическим знаком меньшего размера, наглядно выступая как микрокосм и “источник” всего рисунка (см. рис. 1, 3, 13).

В структуре космического знака можно выделить не только пространственное, но и временное содержание, поскольку для первобытного мышления пространство и время были тесно связаны [Топоров, 1983, с. 232 – 233]. Четыре луча, отмечающие стороны света, одновременно могут моделировать временную структуру мира: четыре части суток, месяца, года. Иногда по бокам лучей изображены рожки, т.е. каждый из четырех элементов становится трехчастным, а сумма всех равна двенадцати. Следовательно, во временном аспекте окуневский космический знак может быть тождественен годовому циклу. Поскольку структура времени передана через круговую схему, то и круг космического знака помимо пространственного содержания, видимо, имел значение временного цикла, а его центр означал не только место, но и время творения мира.

В структуре некоторых космических знаков, в отличие от классической схемы с четырьмя лучами, зафиксированы числа десять, девять, восемь, шесть. Нет сомнения, что они, как и число четыре, имели определенную космологическую наполненность, но акцентировали другие идеи. В частности, шесть лучей соотносится с имевшим календарное значение выделением шести частей света (например, у древних иранцев): север, юг, точки восхода и захода солнца в дни летнего и зимнего солнцестояний [Голан, 1994, с. 150]. Восемь лучей, очевидно, передают структуру пространства как четыре основные и четыре промежуточные стороны света (рис. 8). Число восемь может быть связано с количеством фаз луны в лунном месяце и восьмилетним циклом, издревле использовавшимся для согласования счета времени по луне и по солнцу. Не исключено календарное прочтение чисел девять и десять [Леонтьев, 2000а, с. 146 – 149]. Вместе с тем лучи продолжают сохранять значение столпа, а большое их число сопоставимо с горной цепью по краю мира.

Реконструированное содержание исследуемого знака, которое включает в себя пространственно-временные параметры Вселенной, позволяет оценивать его как символ универсального космического закона, определяющего основные характеристики мира и их взаимосвязь.

Такое понимание семантики окуневского космического знака находит типологические параллели в древних письменных текстах и сопоставимо с космическими законами *рита* в Ригведе, *аша* в Авесте и т.п. Вероятно, некогда подобные идеи у обитателей степей Евразии были распространены достаточно широко, поэтому предложенное сравнение вполне

правомерно, особенно с учетом того, что возникновение окуневской археологической культуры связано с миграцией в Южную Сибирь нового населения. *Рита* воплощает универсальный космический закон, определяющий преобразование хаоса в организованный космос, который обеспечивает порядок круговращения Вселенной, сохранение основных условий существования мира, человека, нравственных ценностей [Топоров, 1994, с. 384; Елизаренкова, 1989, с. 513]. Широта смыслового поля закона *рита* сопоставима с разнообразием окуневских космических знаков. Видимо, подобно *рита* все они имели значение универсального закона, определяющего мировой порядок, а важнейшие различия в изображении связаны с основными его толкованиями, акцентированием тех или иных сторон.

Важной чертой ведийского вселенского закона является то, что он определяется из самого себя: “закон сокрыт законом” [Топоров, 1981, с. 143]. Этой особенности типологически соответствует ситуация, когда в середине одного космического знака изображен другой.

Наличие у ряда окуневских знаков элементов антропоморфного лика, видимо, можно считать персонализацией и обожествлением передаваемого закона. Это можно сравнить с обожествлением *Rta* и существованием иранского божества *Arta*. Для более полного понимания семантики окуневского знака необходим семантический анализ его использования в изобразительных текстах. На изваяниях космический знак находится, как правило, под центральным ликом, т.е. в нижнем ярусе лицевой плоскости, и указывает на местонахождение космического знака в Нижнем мире. Аналогично по значению расположены космические знаки в нижней части плит и на днищах сосудов. Связь этого знака со змеем может быть интерпретирована двояко. В рамках солярной гипотезы она обычно объяснялась стремлением змея проглотить солнце [Хлобыстина, 1978, с. 161 и др.], реже – опекой [Леонтьев, 1997, с. 225]. В свете нового понимания семантики данного знака змей может рассматриваться как его хранитель и даже создатель или как воплощение угрозы для миропорядка. Место изображения окуневского космического знака в Нижнем мире и характер связи со змеем – еще одна черта, сближающая окуневский знак с ведийским космическим законом, который установлен и охраняется неантропоморфным богом Нижнего мира и космических вод Варуной [Кейпер, 1986, с. 32 – 33]. В конце года Варуна становился опасен, поскольку угрожал разрушением существующего в мире порядка [Елизаренкова, 1986, с. 18].

В нижнем ярусе изваяний, на его боковых и задней сторонах иногда встречается сразу по несколько знаков: два, три и более. Это можно объяснить, в ча-

стности, тем, что дополнительные знаки выбивали на изваянии в процессе его повторного ритуального использования, фиксируя совершение около него нового ритуала, которым отмечалось начало следующего временного цикла (видимо, годового). Вместе с тем устойчивая композиция из трех знаков, более всего характерная для боковых граней изваяний, фиксирует вертикальную структуру мира и соответствует вселенскому закону. Сочетание двух знаков, особенно разных, может соответствовать предполагаемому двухгодичному циклу окуневского лунно-солнечного календаря, состоявшему из двух неравных по продолжительности годов [Леонтьев, 2000а, с. 144]. С двухгодичным циклом может быть также связано изображение некоторых знаков удвоенными линиями (см. рис. 1, 12).

Позиция космического знака на вершине изваяния, связывающая в единую систему вертикальную ось камня и радиальную схему знака, может объясняться способностью Нижнего мира, в котором он обычно помещался, простирается сверху в виде ночного неба. Подобная модель мира зафиксирована в Ригведе и Авесте [Кейпер, 1986, с. 156 – 162; Елизаренкова, 1986, с. 13 – 14]. Предположение о возможной связи вершины изваяния с Нижним миром подтверждается тем, что маркирующая Нижний мир пасть змея на некоторых изваяниях располагалась и на вершине вертикали [Леонтьев, 2000б, рис. 1, 8]. Местонахождение космического знака на вершине изваяния такое же, как центрального лика на месте третьего глаза на изваянии из района оз. Ши́ра, структура верхней половины которого дублирует структуру всего памятника, поэтому данный знак занимает свою обычную позицию под пастью змея (см. рис. 5). Аналогичным образом позиция космического знака в нижнем ярусе верхней половины изваяния из с. Верхний Аскиз (Хакасия) соответствует его стандартной позиции в нижнем ярусе всего камня. Закономерно изображение космических знаков на задней грани изваяний, поскольку считается, что эта плоскость связана с Нижним миром: как и в нижнем ярусе лицевой стороны изваяний, на задней грани либо совсем не было изображений, либо изображался змей. Лицевая и задняя грани были противопоставлены друг другу и по нанесенным изображениям, и по ориентации по сторонам света: лицевая сторона непотревоженных изваяний с образом Мирового яйца и схемой творения мира была обращена на восток, к восходу солнца; задняя грань ориентирована на запад, на закат солнца, что совпадает с ориентацией погребенных в окуневских могилах. На миниатюрном изваянии (см. рис. 2), которое могло располагаться горизонтально, уплощенная задняя сторона с нанесенными на нее космическими знаками оказывалась снизу, была обращена к земле. Изображение космического

знака в середине антропоморфных ликов, учитывая значение центра в окуневском искусстве, возможно, демонстрирует подчиненность окуневских богов воплощенному в знаке закону.

Заключение

Проведенный анализ показал, что в основе семантики окуневских знаков в виде круга или квадрата с лучами лежит пространственно-временная модель мира. При этом сам знак имел, вероятно, более широкий смысл и обозначал некий закон, который определял условия существования космоса, сопоставимый с ведийским законом *рита*. Окуневский космический знак находился в Нижнем мире, под землей, где его охраняло очень важное в окуневском пантеоне божество, в основе которого был заложен образ змея. Вместе с тем от этого же божества космическому знаку, а значит, мировому порядку, могла исходить и угроза. Возможно, именно с этим опасным для мира моментом было связано сооружение окуневских изваяний. Изваяния (учитывая их большие размеры, космогоническое и космологическое содержание изобразительного текста) следует связывать с главным годовым ритуалом окуневской культуры. Именно для главных годовых ритуалов воспроизведение мифов о возникновении мира имело первостепенное значение, т.к. с точки зрения циклического понимания времени этот момент был аналогичен “началу” мира. В это время космический порядок снова оказывался под угрозой, поэтому воздвижение изваяния, моделировавшего основные параметры космоса, вероятно, было призвано способствовать его утверждению. Новое изваяние символизировало начало нового временного цикла, новый мир, воссозданный в результате жертвоприношения, совершенного перед его установкой [Есин, 1999а, с. 146 – 147]. Если для этого ритуала использовалось изваяние, установленное ранее, то на него могли наноситься новые космические знаки, изображения жертвенных животных: Учет пространственной ориентации изваяний и возраста обнаруженных в их основании жертвенных барашков [Леонтьев, 2000а, с. 145 – 146] позволяет соотнести главный окуневский праздник с днем летнего солнцестояния.

Список литературы

- Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 37 – 87.
- Голан А. Миф и символ. – М.: Русслит, 1994. – 375 с.
- Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 287 с.
- Елизаренкова Т.Я. Ф.Б.Я. Кейпер: основные направления научного творчества // Ф.Б.Я. Кейпер. Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука, 1986. – С. 7 – 27.

Елизаренкова Т.Я. “Ригведа” – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I – IV. – М.: Наука, 1989. – С. 426 – 543.

Есин Ю.Н. О семантике окуневских изваяний // Мартыановские краеведческие чтения (1989 – 1999). – Минусинск: Март, 1999а. – С. 144 – 148.

Есин Ю.Н. Биконические фигуры в древнем искусстве Сибири (по материалам самусьской и окуневской культур) // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово, 1999б. – Т. 1. – С. 139 – 147.

Есин Ю.Н. Универсальный космический знак окуневского искусства // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово, 2000а. – Т. 2. – С. 112 – 120.

Есин Ю.Н. Изваяние из с. Верхний Аскиз и проблема хронологии изображений окуневской культуры // Вестн. Сиб. ассоциации исследователей первобытного искусства. – 2000б. – Вып. № 3. – С. 18 – 21.

Есин Ю.Н. Семантика изображений рта в окуневском искусстве // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 229 – 232.

Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука, 1986. – 195 с.

Ковалев А.А. Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 80 – 113.

Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа Алтайских гор // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 150 – 169.

Кызласов И.Л. Лик Вселенной: к семантике древнейших изваяний Енисея // Религиозные представления в первобытном обществе. – М.: Б.и., 1987. – С. 127 – 130.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 296 с.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 19 – 64.

Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 88 – 118.

Леонтьев Н.В. Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 222 – 236.

Леонтьев Н.В. Сакральные календарные мотивы в памятниках искусства окуневского времени // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово, 2000а. – Т. 2. – С. 143 – 149.

Леонтьев Н.В. Образ мировой горы в памятниках искусства окуневской культуры // Гум. науки в Сибири. – 2000б. – № 3. – С. 30 – 35.

Мачинский Д.А. Уникальный сакральный центр III – середины I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 265 – 287.

Окладников А.П. Миниатюрные изваяния Минусинской степи // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 58 – 63.

Подольский М.Л. О мировоззренческих особенностях сибирского изобразительного искусства эпохи бронзы (окуневские личины) // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – С. 111 – 114.

Подольский М.Л. Окуневские изваяния и оленные камни // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 127 – 133.

Рабинович Е.Г. Середина мира // Мифы народов мира. – М.: Рос. энцикл., 1994. – Т. 2. – С. 428 – 429.

Савинов Д.Г. Антропоморфные изваяния из южной части Аскизской степи // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 213 – 221.

Студницкая С.В. Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 251 – 262.

Топоров В.Н. Ведийское *Rtá*: к соотношению смысловой структуры и этимологии // Этимология, 1979. – М.: Наука, 1981. – С. 139 – 156.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227 – 284.

Топоров В.Н. Рита // Мифы народов мира. – М.: Рос. энцикл., 1994. – Т. 2. – С. 384.

Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 207 с.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства // Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1971а. – С. 165 – 180.

Хлобыстина М.Д. Культовая символика петроглифических рисунков в культуре ранней бронзы Южной Сибири // СА. – 1971б. – № 1. – С. 73 – 81.

Хлобыстина М.Д. Тотемно-космогонические образы в искусстве южносибирской бронзы // Первобытное искусство: У истоков творчества. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 155 – 163.

Хлобыстина М.Д. Культура раннескотоводческих племен бассейна Абакана // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1979. – С. 36 – 46.

Худяков Ю.С. Космогонический миф раннего бронзового века на Енисее // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – С. 27 – 29.

Материал поступил в редколлегию 13.10.2001 г.

ТАЛАКАНСКАЯ КУЛЬТУРА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЗАПАДНОМ ПРИАМУРЬЕ (по материалам стоянки Усть-Талакан на реке Буре)*

Введение

Как известно, река Амур делится на зоны верхнего, среднего и нижнего течения. Однако данные по этнокультурной истории раннего железного века и начальных этапов средневековья позволяют выделить в регионе два больших этногеографических района – Западное и Восточное Приамурье. Естественной границей между ними является хребет Малый Хинган.

В настоящее время в археологии среднего Амура, его западного очага, между финалом урийской культуры (V в. до н.э.) и началом эпохи средневековья имеется большая хронологическая лакуна, равная по времени периоду существования в соседнем восточном районе польцевской культуры. Смена в Восточном Приамурье на кукелевском этапе польцевской культуры (IV в.) мохэской, представленной памятниками благословеннинско-найфельдской группы, признается многими исследователями. В Западном Приамурье памятники польцевской культуры пока не обнаружены, найдены лишь отдельные предметы. Самыми ранними памятниками эпохи средневековья в этом регионе являются поселения и стоянки михайловской культуры, принадлежащие в этническом плане племенам северных шивэй (бэй, бо, шэньмода) и датируемые III – X вв.

Возможность закрыть временной разрыв появилась с открытием талаканской культуры, получившей свое название по стоянке Усть-Талакан на р. Буре, где были впервые найдены целые сосуды талакан-

ского типа. Культура выделена по особому керамическому комплексу, получившему распространение в пределах Западного Приамурья, и серии абсолютных дат, которые охватывают период, синхронный существованию в Восточном Приамурье польцевской культуры. В настоящее время известно 19 пунктов с находками данной керамики на территории от устья р. Шилки (жертвенник у писаницы Средне-Шайкино [Мазин, 1986, с. 170]) на северо-западе до расположенного на правом (китайском) берегу Амура, в 11 км ниже устья Буреи, местонахождения Цзючэн [Чжан Вэй, Фань Чжунцзэ, Сунь Шимин, 1997, с. 35] на юго-востоке (рис. 1).

Типология талаканских жилищ

Предлагаемая характеристика талаканской культуры основана на материалах единственной раскопанной полностью на данный момент стоянки Усть-Талакан (жилища 1, 4 – 7, яма-погреб 4), которая была сезонной, что обусловило малочисленность предметного комплекса. Исследованные жилища талаканской группы делятся на два типа.

Тип 1. Жилища с котлованом (1, 4, 6). Прямоугольные в плане котлованы выкапывали на глубину 50 – 100 см. Все конструкции данного типа не имели рамы-основы. Стенки котлована, укрепленные вертикально поставленными листами бересты, горизонтальными плашками (жилище 1) и частоколом (жилище 6), одновременно служили и стенками жилища. Скорее всего, из нижних углов котлована выводились четыре жердевых стропила, остатки которых найдены во всех жилищах. В жилище 6 они были установ-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 00-01-351.